

Перстень — тем более такой красивый, согласитесь — это странно для мужичины.

— Вы думаете, я — гомосексуалист? Перстень — это же очень красиво: инталия, оправленная в золото точно по образцу римских или греческих колец. Мне покойно с ним. Я и на спектаклях его ношу. Могу одеть другое, третье. Хотя одно кольцо не люблю: серебряное с сапфиром, которое я купил в Индии. Как мне показалось, оно приносит несчастье.

— Значит, все-таки талисман?

— Не талисман. Перстень — условие жизни. А моя жизнь делится на две жизни. Одна от рождения до 8 апреля 1942 года, когда я был убит под Старой Руссой. Другая — после 8 апреля 42-го года до сегодняшних дней. Всем курсом мы ушли на фронт. Я воевал, был в окружении. Убитым я себя считаю потому, что нашли меня через несколько дней (сколько пролежал, не помню), истекшим кровью, с ранениями. Попал в госпиталь. Там начался сепсис, и хирург решил ампутировать мне руку.

— Кто по профессии? — спросил он.

— Артист (я закончил Одесское театральное училище 21 июня 41-го года).

— Ну, значит, будешь бухгалтером.

— Я не буду бухгалтером.

— Тогда умрешь.

— Ну, значит, умру.

— Дурак ты, говорить мне с тобой нечего.

А что значит "ампутация"? Я ведь в Одессе учился у Петра Столярского по классу виолончели (у меня абсолютный слух). И тогда же там учились Миша Фихтенгольц и Лиза Гилельс. Они были соль земли и очень важные, а я — из бедных, и мне виолончель дали в школе. Это скучно вам?

— Нет, говорите, интересно...

— В общем, привезли меня в госпиталь в Бежецк. Хирург, женщина, сказала: "Мы должны поднимать вам руку. Насколько она поднимется, настолько и в жизни будет держаться. Мы будем желать поднять ее как можно выше, а это безумно больно. Так что не бойтесь, кричите". А ей ассистировала миленькая, очаровательная сестричка.

— Что вы, не закричу, — сказал я, глядя на сестричку.

— Да закричите.

Пари держу, что не закричу.

— А на что будем спорить?

— А на тарелку супа. (Я есть всегда хотел.)

Начали поднимать руку (показывает, как больная левая рука поднялась до уровня подбородка), и тут я потерял сознание. Но суп я, естественно, выиграл.

— Искалеченная рука — это все-таки трагедия для актера. Трагедия?

— Так-то оно так. Но когда мы с Толькой Адоскиным (Анатолий Адоскин — артист Театра им. Моссовета) на капустнике дурачимся: он играет на виолончели, а я на скрипке, — никому не приходит в голову, что я левой рукой держу смычок. Конечно, трагедия, но... говорю я, жить еще слаще. Самое главное — я патологически независлив. Я спокойно переношу радости посторонних и близких мне людей. Радость. Успех. Деньги... Чему я могу завидовать, если я должен был уже 53 года в могиле лежать? Я не потерял интереса к жизни.

— В чем же сладость жизни, Борис Владимирович?

— Вот солнечный день сегодня. А вчера был ужасный. Но зато я Глюка слушал. Для меня музыка, как для Глинки, — душа моя. Я всю жизнь с ней живу; и в автомобиле, и дома. Классическую музыку люблю. А современную нет. И могу доказать, почему она мне не нравится.

— Долгий, а главное — пустой разговор. Время жалко. Мне интересно другое. Вы — независимый, но неужели не обидно, что только в зрелом возрасте вас начали снимать в кино?

— Молодым я действительно почти не играл в кино. Было такое клеймо (наверное, оно и ко мне относится) — "отрицательное обаяние". Я играл всех негодяев. Слушайте, сколько я в кино зарежал, предал, застрелил, задушил, сбросил с моста народу — это не перечислять. Тем не менее я никогда не сетовал на плохие роли и продолжаю утверждать, что это после меня стали говорить: "Отрицательные роли лучше, чем положительные". Потому что хороший — он хороший и есть. А плохому надо много поработать, чтобы свергнуть хорошего с пьедестала.

— Папа всех негодяев и мерзавцев — это Борис Иванов, я поняла...

— "Ищи, где он добрый, ищи, где он злой", — как Станиславский говорил. Вот сэр Джулиус — министр финансов из фильма "Чисто английское убийство". Да, он плохой. Но он и интересный человек. Сделан был, как говорил Завадский, на "сливочном масле". Или Шнайдер из давнишнего нашего спектакля "Вечерний свет". Вот смотрите: он потерял женщину, потому что не умел любить (а это искусство). Ну что же такое: он ходил за ней, штанишки стирал. Это какая же баба сможет стерпеть? Конечно, она его бросила.

— Но ведь и в театре, проработав столько лет...

— 51-й год пошел, между прочим.

— Тем более обидно, что прежде не играли главных ролей, героев, которых играете сейчас, скажем, в "Цене" и "Ошибки одной ночи".

— Играл в свое время. Но скажу вам по секрету (заговорщицки понижает голос), когда мне за 30 перевалило, я стал стесняться целоваться на сцене.

— Как так?

— Да ну зачем я буду это делать?

— Но профессия же обязывает.

— Подумаешь, в другую можно уйти.

— Разыгрываете?

— Ну конечно (смеется). Ну и славно. Нет, я как раз не переживал, что позже не играл любовников. В моем представлении эти роли должен играть молодой артист. А когда в 35–40 лет надо рядиться в молодых, что же это получится? Хотя Касисо в "Отелло" я очень долго играл.

— Хотелось бы знать, на чем замешено ваше "сливочное масло"? На личном опыте или на чужом? Когда я смотрела "Цену", мне показалось, что в прошлом вы были антикваром, как ваш герой Григори Соломон.

— Да, безупречно знаю это дело. Крупный специалист. Антиквариат — это было когда-то хобби. Отлично знаю фарфор, стекло, живопись, у меня есть картины хорошие. Начиная с 42-го года я прожил по принципу "хочу все знать". Пойдемте ко мне домой, я накормлю вас кулебякой с капустой, вчера испек. Я люблю делать все сам.

Когда я окручивал свою жену, мы ходили с ней в коктейль-холл, что напротив телеграфа. Она бедняжка, болела 22 года, и 3 года я ходил за ней. Оля моя не дождала год и три месяца до нашей золотой свадьбы... Ну все, хватил об этом... (длинная пауза).

Так вот, я завел дома правилки с каждой полочки покупать бутылочку. Мы бедно жили, но я со-

брал бар. И собрал коллекцию рецептов и коллекцию вин. У меня сейчас что-то около 500 рецептов коктейлей.

— И по памяти любой можете приготовить?

— По памяти немного. Но достану карточку и...

— Если к пирогу еще и коктейль...

— А как же? А как же? Ну, например, вы любите апельсиновый, да? Тогда идет 30 граммов апельсиновой настойки, 10 граммов апельсинового ликера и 150 граммов апельсинового сока. Все это смешивается со льдом. Лично я всегда любил простые коктейли с джинами. Есть такой, скажем, "Джин весенний". Это надо взять 2/3 джина, 1/3 вермута белого, грейпфрутовый сок и белок от яйца. Все это смешать в шейкере с большим количеством льда. Эти коктейли из разряда "лонг дринк", отрезвляют. Ноги, правда, тяжелеют. А есть специальные флиппы, которые размешиваются при го-

аренду.

— ??? Разыгрываете, опять?

— Ну конечно. Машины стал немножко раздавать (смеется). Серьезно — я 40 лет вожу машину. У меня "яма" есть. Я обожаю, знаете ли, расстелить газетку, разложить инструменты, подлезть под нее. Я машинами пользуюсь долго, они у меня по 10–12 лет. Мою машину всегда легко отличить — она ухоженная, сделанная, и двери хлопают без шума.

Я вот вам похваляюсь. Да Бог с вами. Я просто хочу, чтобы все было красиво.

— А чего не может артист Иванов?

— Только титкой ребенка кормить и мемуары писать.

— Значит, воспоминания в духе: "Я и Завадский", "Я и Раневская" — не пройдут?

— Боже сохрани. Я люблю мемуары Швербювича и Бирман, потому что там вижу и чувствую коллег. Основной лейтмотив всех других мемуаров

тель), то я, а не они, заболел стенокардией. А Фаина лежала, как король Лир. Она — гений. Но если ей что-то не нравилось (по ее, а не по человеческой логике) она могла так обидеть. Однажды в спектакле "Странная миссис Сэвидж" она уронила носовой платок, и я его поднял и отдал ей. Она с таким гневом посмотрела на меня и швырнула платок (показывает как с отвращением швырнула). А потом в антракте говорила: "Этот Иванов, артист, черт-те что..."

— В каких отношениях вы были с Юрием Завадским?

— В хороших. Опять же потому, что я не лез к нему ни в друзья, ни во враги. Уважал его. У него были ориентиры — Вера (Марецкая. — М.Р.), Слава (Плятт. — М.Р.), Коля (Мордвинов. — М.Р.). Все на них ставил. Хотя я никогда не сидел без работы, но не те роли играл, которые хотел бы. А я и не мог их играть, потому что моложе Марецкой был. Значит, в партнеры выбирался артист ей под возраст.

— Ну когда-нибудь вы спорили с режиссерами?

— Я могу сказать режиссеру "что-то мне не вкусно", а так... Один раз во МХАТе, когда меня пригласили на роль Сорина в "Чайке", вышла такая история. Режиссер мне сказал: "Возьмите таз с водой, и Нина, когда вбежит, запыхавшись, будет в нем обмываться". Я заметил ему, что молодой девушка негоже обмываться перед стариком. Он за свое — "ничего страшного, поплещется". Ну тогда, сказал я, отойду за дерево и пописаю. Старичок я светлый, так что пройдет. На том и расстались.

— А никогда не испытывали искуса уйти из театра, поискать актерского счастья на стороне?

— Да никогда. Я никогда не уходил. В классическом смысле слова я — консерватор. В том смысле, что одно место — театр — обживать надо. Не потому, что мне это выгодно: жизнь не бог весть какая сладкая была. У меня задачи другие. Я занят тем, что хочу быть хорошим артистом. Хочу быть тем инструментом Страдивари, на котором можно все сыграть. Это не значит, что у меня нет убеждений, симпатий и антипатий. Но я должен уметь все сыграть хорошо, по моему старому, опытному разумению. Сколько можно репетировать эту роль, вы спросите? Эту — час для радио. Для театра — полгода.

— Ну и как инструмент? Все ноты берет?

— Я думал, что с годами все пойдет на лад. Ничего подобного. Все неудобно. Все кисло. Вот сейчас я репетирую роль Бахчева в спектакле "Село Степанчиково". Это старый сплетник, формальный идиот, вариант русского де Фюнеса. И вот я работаю, репетирую. Я умный в зале и дома: вижу все ошибки, вижу, кто как играет. А выхожу на сцену и тяжелою, не так легко вхожу в настроение.

— Борис Владимирович, ваш дом — театр?

— У меня никого в доме нет, я один. Друзья говорят: "Боба, мы придем, все принесем. Посиди". Это они посидят! А я все равно на кухне: рублю, накрываю, наливаю. Они уходят, а я еще полночи вожусь с посудой. А кто меня позовет?

— Может быть, друзья?

— Друзья есть, но я же занят. Я много играю — 10–11 спектаклей в месяц. Это нехорошо. Я ведь маленьких ролей почти не играю. Выкладываюсь каждый раз. А жизнь есть жизнь. Я ведь все сам: и картошка, и хлеб, и сварить. Я без этого не могу. На газетке я не ем. И колбасу я не ем. Я — одесский мешанин, и мне надо, чтобы у меня был обед. Обед у меня всегда есть. Всегда! Пойдем обедать: бульон на одного человека есть, а куриными котлетками накормлю. Кулебяка есть. Кисель. Это в доме должно быть.

— А как насчет помощницы?

— Не очень-то хотят в помощницы. А главное, все равно она не сделает так, как я. Мне придется учить ее готовить.

— Ну с таким характером, знаете ли...

— Да, характер — дай бог. Не зря я столько крови в кино пустил (смеется). Я должен убедить сам, что все сделано хорошо: котлеты пожарены, щи сварены.

— Кстати, о щах, то есть о "капусте", то есть о театральных капустниках. Говорят, что вы с Адоскиным главные капустники театра.

— Я люблю капустники, хотя делать их — потное дело. Дня три, не меньше. Это род анекдотов, и я отношусь к ним весьма серьезно, как к квинт-эссенции драматургии. Я могу рассказать любой анекдот в любом обществе. Вот, например. В Одессе мальчик, запыхавшись, прибегает в хлебную лавку: "Дайте мне полкило хлеба". — "Какого тебе — черного или белого?" — "Мне все равно, мне для слепого". Ну вот же еще один. Человек врывается в аптеку: "Дайте мне два презерватива". Толпа зашумела: "Тут очередь стоит!". — "Какая очередь, — кричит он. — Там человек лежит". Понимаете?

Капустники были остроумными. Мы с Адоскиным написали хор Плятту с такими словами:

Славься ты наш, Ростиславный чудак,
Не бойся того, что ты старый... (ля-ля)
Не бойся, не старей...

Ну и так далее. Другой бы нас на дуэль вызвал, а Плятт был счастлив. Завадского мы показывали так: Адоскин натягивал на голову капроновый чулок с ватной опушкой, а я показывал ему роль.

Я читал:

— Петушок, петушок, золотой гребешок, масляная головушка...

— В гриме будешь играть? — спрашивал Завадский.

— Что ты рано встаешь?

— Подожди, что значит рано? В 9 часов?

— Очень рано.

— Так, опиши свой день.

— Вот я встаю. Прыгаю с насеста. Пою. Потом ем, за курами бегаю.

— Зачем?

— Юрий Александрович...

— Дурной, я же не про это.

Вот на чем строились капустники. Это же мило. Не грязно.

Дома у Бориса Владимировича были кулебяка, куриные котлеты (в сухарях), жареная картошка с хрустящей корочкой, марочный коньяк и бесконечные истории, истории, истории...

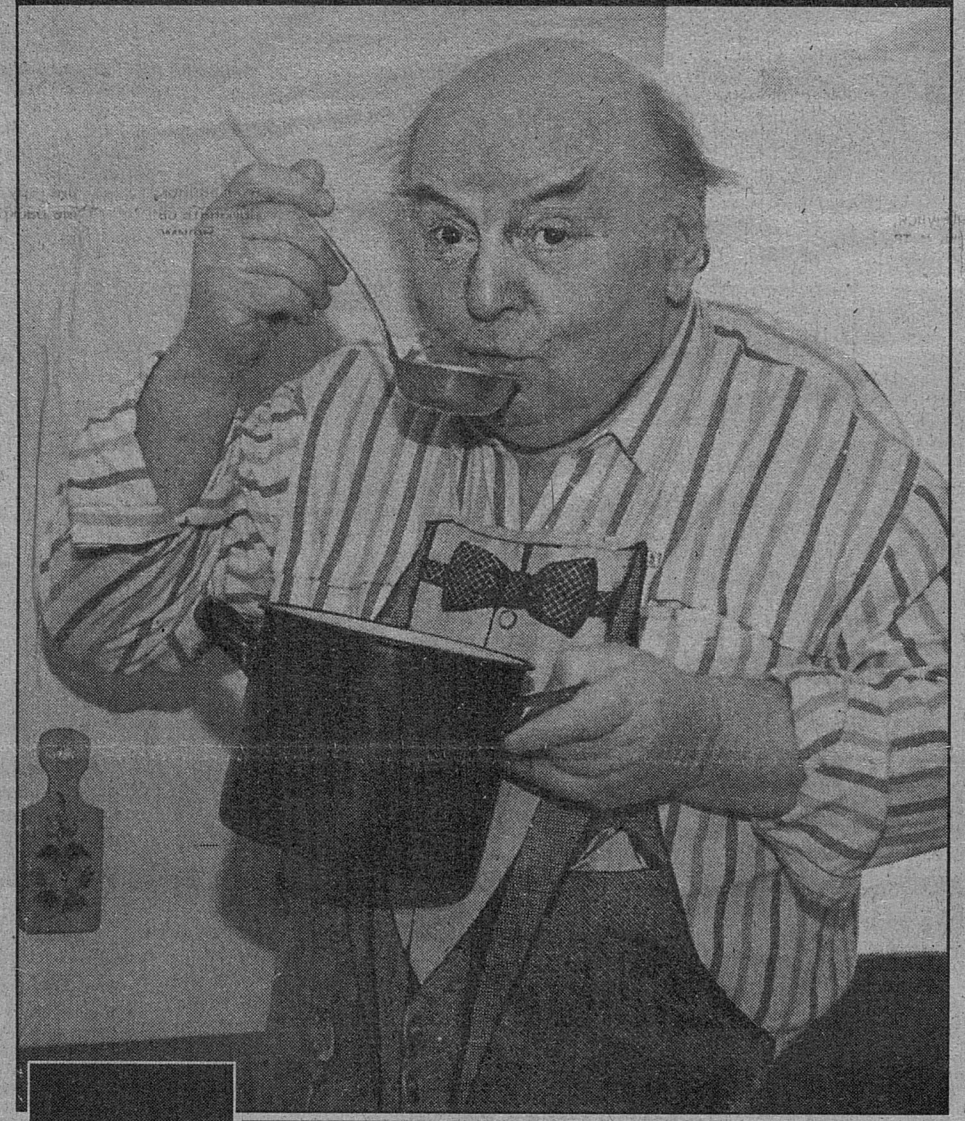
— В своей жизни я сделал две вещи, за которые не стыдно. На фронт добровольно пошел. И жену свою, Олю, до конца довел...

А если будете в Эрмитаже и найдете картину "Мадонна Литта", тихо передайте от меня привет. Так и скажите: "Борис Владимирович велел кланяться". Так много лет я делал по просьбе одной старой актрисы.

Мое к. колес. полет. 1995. - 14 февр. - с. 2

КОКТЕЙЛЬ

сладостной жизни

— Я — одессит, имейте в виду. Тип очень прожженный. И скрываюсь за русской речью. Моя родная речь — одесская рэч. Понимаете?

Прожженный тип обволакивает меня мягким голосом, изящными манерами и остроумием. Прожженность, граничащую с мафиозностью, усугубляет массивный перстень на правой руке. Если бы я не знала, кто он, то сочла бы его за одесского "авторитета" старой закваски с Дерибасовской или Малой Арнаутской. Но передо мной — Борис Владимирович Иванов, замечательный артист из Театра им. Моссовета. В конце февраля у него юбилей — 75 лет.

Несерьезный Иванов — на актерском капустнике.

И серьезный Иванов — Хардкэстль из спектакля "Ошибки одной ночи".

товке горячей ложечкой с желтками.

— Жизнь богемы — коктейли, антиквариат...

— А машины, а самолеты? Я обожаю летать и видеть небо.

— Есть самолет?

— Кто сказал, что нет? Есть у меня маленький пятиместный самолетик. Собственный, купленный как машина. Только дорого сейчас платить за

— это или собрание анекдотов лучше-хуже, или "как сейчас помню, Константин Сергеевич подходит ко мне и говорит: хорошо работаешь, тебе можно на мизансцену, другим нельзя..." Я в книгу про Фаину Раневскую однажды написал, слюни сладкие получились, тьфу (в сердцах).

Ведь я обожаю ее. И боялся. Не позволял себе подойти к ней близко. Когда они с Завадским вдрызг поругались в Свердловске (а я был свиде-